

организованной преступности и коррупции. URL.: <http://www.http://sartraccs.ru> (Дата обращения 01.02.2012).

4. Кравченко А.И. Краткий социологический словарь. М.: Проспект, 2009. С. 147.
5. Матвейчев О. Что делать, Россия? Прорывные стратегии Третьего тысячелетия. М.: Эксмо, 2011. – 352 с.
6. Симонов А.А. Механизм институционализации взяточничества в российском обществе // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса [электронный ресурс] / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. М.: РОС, 2012. – 1 CD ROM. С. 2212.

Абрамова С.Б.,
г. Екатеринбург

УПОТРЕБЛЕНИЕ НЕНОРМАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Актуальность темы ненормативного словоупотребления основана на противоречивых тенденциях, характеризующих состояние российского общества. В то время, как составляются словари ненормативной лексики, говорится об общих изменениях языковой нормы, приводящих к исчезновению табу на ранее запрещенные выражения, растет «спокойствие» общественного мнения по отношению к допустимости и распространенности нецензурного компонента в речи, – все эти тенденции трактуются неоднозначно, зачастую приписываются «естественным» процессам развития языка и не воспринимаются как острая социальная проблема. Более того, благодаря тому, что среди ученых утверждено мнение об уникальности молодежной культуры, которая проявляется в силу возрастных и эмоционально-психологических особенностей ее представителей, специфика функционирования ненормативной лексики в данной общности зачастую трактуется как «временное отклонение», как «узус», «внутренняя норма».

Образ жизни и социальное поведение личности в значительной мере регулируется ее диспозиционной системой, зависящей от жизненных и социальных потребностей. Это обуславливает противоречивость и разнохарактерность воздействия социальной нормативной системы на отдельных индивидов. Ключевой функцией социальных норм Т. Парсонс называл функцию интеграции социальных систем, осуществляемую благодаря содержащимся в нормах элементам ценностных установок.

В. Н. Кудрявцев отмечает, что деформация социальной нормы характеризуется отрывом от конкретной исторической реальности, разрывом между ее содержанием и реальными потребностями переживаемого времени. Это значит, что всякая социальная норма должна быть правильно ориентирована по времени, месту действия, адресатам и изменяться в соответствии с изменениями в общественных условиях жизни людей. Социальная норма рассчитана на статистически значимое и социально типичное для общества ее выполнение [1], в противном же случае происходит утрата нормой базовых смыслообразующих качеств и, соответственно, рассогласование алгоритмов механизма социальной регуляции. Это способствует необходимости поиска альтернативы и возникновению в социальной реальности явления отклоняющегося поведения, а также альтернативных инновационных форм деятельности. На уровне системного подхода девиация рассматривается в качестве флуктуации, выступающей источником обеспечения динамического баланса системы. В социологии применительно к данному явлению демонстрируется «единство противоположностей», когда система социальных норм посредством самого своего существования предполагают наличие отклонений-альтернатив.

Неоднократное использование инструментов общественно-значимого действия складывается в реальные социокультурные практики, сущность которых заключается не просто в неисполнении социальных ожиданий, но в конструировании альтернативных самостоятельных и жизнеспособных

моделей поведения. К началу XXI века в мировой социологии сложилось более десятка подходов к пониманию данных процессов, чаще всего характеризуемых как «негативно девиантных» вследствие отступления от утвержденного шаблона.

В мировой социолингвистике язык традиционно рассматривается в качестве весомого элемента многоуровневого комплекса взаимосвязанных ожиданий и установок (культурных форм). Еще В. Гумбольдт отмечал, что язык накладывает отпечаток на процесс формирования характера говорящей на нем нации, поскольку требует действия своеобразного «духа», побуждающего к изложению мыслей определенным образом [2].

В наиболее широком значении язык любого сообщества анализируется как совокупность кодов и субкодов, составляющих функционально полную и отвечающую многообразию коммуникативных запросов социально-коммуникативную систему, что обуславливает естественную вариативность их использования и социальную дифференциацию языка.

Учитывая взаимозависимость языка и общественной организации и способность языка отражать массовое сознание, следует согласиться с мыслью Э. Сепира о том, что глобальные видоизменения культурной организации социума сопровождаются соответствующими, хотя и менее стремительными, трансформациями языкового содержания и общественно одобряемых ориентиров коммуникативного поведения [3]. Это подтверждает зависимость языковой (как и любой социальной) нормы от материальных и духовно-нравственных условий ее функционирования. Изменившиеся модели языкового поведения в критических случаях могут формировать и усиливать табуированную, антинормативную, девиантную лексику.

В обобщенном социолингвистическом смысле термин «ненормативная лексика» ссылается на непозволительность употребления конкретной языковой единицы в контексте нормативной системы языка и актуальной речевой ситуации. Такая лексика нарушает нормы общественной морали, нередко содержит негативную оценку адресата в непристойной, циничной

форме, провоцирующей коммуникативный конфликт и расшатывающей сложившуюся систему социума.

В. И. Жельвис предложил обширную функциональную классификацию инвективного (ненормативного) словоупотребления, выделив двадцать шесть основных функций, из которых максимальная практическая значимость принадлежит следующим: междометное, восклицательное употребление инвективы; средство установления контакта между равными по возрасту и социальному положению индивидами (демонстрация доверительного отношения); катарсис как возможность обрести психологическое облегчение (избавление от стрессовой ситуации); средство понижения социального статуса адресата (демонстрация превосходства); инвектива как искусство (сделать речь более эффективной); инвектива как бунт (сознательное намерение нарушить общепринятую норму); средство вербальной агрессии (стремление оскорбить или унижить адресата) [4].

Достаточно наглядна также классификация В. Даниленко: словесно-паразитическое; генерализирующее; социально-объединительное, бранное и компенсационное ненормативное словоупотребление [5]. Следует отметить и теорию В. И. Шаховского, прибавляющего дефрустрационную, фатическую и эмоциогенную функции ненормативной лексики, а также оригинальную функцию материализации недифференцированных эмоциональных смысловых нюансов [6].

Возможность с помощью перечисленных функций ненормативной лексики справляться с целым комплексом социально-психологических коммуникативных задач не отменяет порицания и неприемлемости ее употребления в «цивилизованной» среде. Принцип недопустимости реализуется через установление табу, несоблюдение которого приравнивается к действиям не только девиантным с точки зрения культуры, но и делинквентным: согласно кодексу об административных правонарушениях Российской Федерации, публичное употребление

ненормативной лексики расценивается как мелкое хулиганство (статья 20.1), наказываемое штрафом или административным арестом.

Говоря об отклонениях в рамках российской коммуникативной среды, отечественные авторы отмечают «детабуизацию» или усиление экспансии в постсоветское социальное пространство ненормированной речевой стихии, выражающееся в проникновении внелитературной, жаргонной, а также маргинальной лексики и фразеологии в сферу повседневных коммуникаций.

Еще в середине 90-х годов Л. П. Крысин пишет об устойчивой тенденции к огрублению бытовой и публичной русской речи, что исследователь считает следствием деструктивных внеязыковых явлений в области нравственности и культуры. В 2002 году он указывает на жаргонизацию литературной речи как результат переоценки ранее социально непрестижных языковых фактов и процессов [7]. В соответствии с этим употребление ненормативной лексики следует считать иллюстрацией деформированного сознания, мышления, речевой культуры, нравственности и вкусовых предпочтений.

В 2008 году Всероссийский центр изучения общественного мнения осуществил масштабное социологическое обследование 42 регионов России. В соответствии с представленной информацией, 66,2% респондентов отметили собственную неудовлетворенность складывающейся ситуацией в сфере морали и нравственности, причем ведущая роль в качестве раздражающих факторов видится в пропаганде бескультурья и пошлости. В совокупности примерно 10% сослались на факторы, имеющие прямое отношение к употреблению ненормативной лексики: бескультурье, грубость, хамство, сквернословие. Также, по мнению 56,5% респондентов, состояние морали и нравственности в российском обществе за последние годы ухудшилось [8].

Социологический опрос «О нецензурных выражениях», проведенный Фондом «Общественное Мнение» в 2008 году в 46 областях и республиках регистрирует 72% респондентов, «часто» сталкивающихся в ненормативной

лексикой в общественных местах, а также 52% опрошенных, отмечающих увеличение частоты появления исследуемых выражений в сравнении с советским периодом [9].

Приведенные цифры демонстрируют тотальную утрату системой языковых норм базовых смыслообразующих качеств, вызывающую необходимость поиска актуальной речевой альтернативы. Возвращаясь в исследуемом контексте к излагаемой точке зрения на девиантное поведение как специфический способ видоизменения социальных норм посредством конструирования альтернативных моделей поведения, целесообразно включить употребление ненормативной лексики в число упомянутых практик.

В соответствии с этим рассогласование алгоритмов механизма коммуникативной регуляции можно рассматривать как реальное воспроизведение кризисного состояния российского социума, а использование ненормативной лексики – в качестве альтернативной модели коммуникативного поведения, демонстрирующей несостоятельность прежних нормативных регуляторов в совокупности с переходным состоянием взглядов и ценностных ориентаций. Противоречие между коммуникативными ориентирами прежней ценностно-нормативной системы и новой языковой картиной мира, иллюстрирующей складывающиеся в современности ценностно-мировоззренческие тенденции, заставляет обратить внимание, что наиболее заметно этот процесс затронул молодежные субкультуры как социальные общности, традиционно практикующие поведение, условно именуемое отклоняющимся. Но, говоря о молодежных субкультурах, социологи имеют в виду специфический стиль жизни, эстетические вкусы, манеру поведения, систему ценностей, противоречивые тенденции которых на самом деле производны от широких социальных процессов, функционирующих на всех уровнях социума. Молодежь является «социокультурным» продуктом [10], непосредственно попадающим в зависимость от комплекса соответствующих характеристик общества, и

потому представляет собой наиболее восприимчивую к условиям общественной дезорганизации социальную группу.

Говоря о языке молодежи, специалисты отмечают характерную условность данного понятия, вызванную неопределенностью масштабов соответствующей социолингвистической и социокультурной конгломерации в пространстве русского языка, из чего проистекает живая взаимосвязь специфических языковых практик молодежного сообщества с практиками других социальных структур.

Результатом подобного смешения коммуникативных кодов становится неформальный молодежный сленг, отличающийся стремлением к интеграции участников молодежного сообщества и одновременно четкой внутренней дифференциации поведенческих ролей и речевых кодов. В соответствии с вышесказанным Э. М. Береговская выделяет четыре ключевых характеристики исследуемого молодежного языка: депрециативность или критика официальной системы, метафоричность, доминирование репрезентативной функции и, наконец, людическая или игровая тенденция коммуникации.

В то же время Н. С. Иванова предлагает считать главной функциональной задачей молодежного сленга установление контакта и реализацию коммуникативных актов, кроме того, выступая в качестве инструмента идентификации данный язык способствует «капсуляции» индивидов внутри конкретного социума, осуществляя вторую немаловажную функцию – интегративную [11]. Среди прочих функций исследователи также выделяют способность с помощью молодежного сленга выражать экспрессивно-оценочные и мировоззренческие реалии [12].

Выступая в качестве своеобразного «пароля», язык субкультур обуславливает специфический способ репрезентации действительности, дистанцируя и объединяя представителей конкретного социума, а также являясь классификатором молодежных групп. Владение и умение пользоваться подобным субкультурным жаргоном является одним из

ключевых условий включения индивида в молодежное сообщество. Вариативное употребление жаргонизмов в устной речи молодежи опосредовано вербальной самоидентификацией инициатора речевой ситуации с определенной молодежной субкультурой [13].

Чтобы определить реальный статус ненормативной лексики в системе языковых формаций современной молодежной среды, следует обратиться к итогам некоторых локальных исследований искомой тематики за неимением более масштабных, региональных опросов. Так, весной 2000 года Красноярский государственный педагогический университет осуществил исследование духовной культуры своих студентов. В соответствии с результатами, 35% респондентов не усмотрели ничего предосудительного в сквернословии, и при этом 33% указали на «значительную степень» его распространения [14].

В 2009 году в Курске был проведен опрос населения в возрасте от 12 до 22 лет, в ходе которого выяснилось, что 40% респондентов сталкиваются с употреблением ненормативной лексикой приятелями. При этом 52% указали, что применение нецензурных выражений не оказывает заметного влияния на их отношение к сквернослову, а треть участников опроса признались, что лично используют ненормативную лексику (при этом 52% от числа ругающихся оказались девушками, а еще 55% – подростками до 15 лет) [15].

Столь же интересно на этом фоне выглядит астраханское исследование младшей подростковой группы, где 31% респондентов от 12 лет допустили употребление ненормативной лексики. Ярко и показательно, что более половины опрошенных равнодушно относятся к мату в их присутствии, а 24% «не контролируют себя» при употреблении ненормативной лексики [16].

Подтверждающие данные приведены В. И. Пацыба, который отмечает, что 37% старшеклассников и 21% студентов равнодушно относятся к использованию другими лицами грубой лексики [17]. По его подсчетам, до 62% молодых людей прибегают к употреблению ненормативных языковых

приемов, причем в 47% случаев респонденты обращаются к ним под воздействием положительных или отрицательных эмоций. Основу подхода автора составляет неоднозначный вывод: для молодых людей характерно противоречивое отношение к соответствующей лексике. С одной стороны, большинство молодых людей осуждает ее употребление в общественных местах, но с другой – продолжает сквернословить.

А. Ю. Ларионова в монографии, посвященной изучению социолингвистического аспекта неформального дискурса, характеризует субкультуры через дестабуированность нежелательных тем и средств их репрезентации, и как результат – активизацию инвективного словоупотребления.

Проведенный анализ позволяет констатировать тотальное снижение качества мышления и речевой деятельности, воспроизводящее долговременную стрессовую атмосферу социальной повседневности. Более того, мы можем наблюдать определенного рода парадокс: язык молодежных субкультур, предназначенный для демонстрации относительной независимости от официальной культуры и внешних табу и складывающийся как сознательно оппозиционный традиционной языковой норме, утрачивает эту свою функцию в силу снижения общего уровня языковой культуры и поведения, искажения стандартов общенациональных культурно-языковых образований. Это маркирует общее состояние российского общества как остро аномичное и не пришедшее к стабилизации.

Литература

1. Кудрявцев В.Н. Социальные деформации (причины, механизмы и пути преодоления). – М., 1992.
2. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М., 1985.
3. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии // Электронная библиотека «Гумер» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/sepir/01.php.

4. Жельвис В. И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В. И. Жельвис. – М.: Ладомир, 2001. – С.109-130.
5. Даниленко В. Кому мат – родной? // Общественно-политический еженедельник «Литературная газета». – 2008. – №37 (6189) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lgz.ru/article/5742/>.
6. Шаховский В.И. Эмотивная лингвоэкология русского мата // Электронный журнал «Мир лингвистики и коммуникации». – 2011. – № 2 (23) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tverlingua.ru/archive/023/1_23.pdf.
7. Крысин Л. П. О русском языке наших дней // Русский филологический портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-02.htm>.
8. Экспресс ВЦИОМ 2008 // Единый архив экономических и социологических данных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=2039&T=q.
9. База данных ФОМ: Опрос населения «О нецензурных выражениях» // Фонд «Общественное мнение». – 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/map/d082925>.
10. Левикова С. И. Молодежная субкультура: Учебное пособие. – М., 2004.
11. Иванова Н. С. Язык молодежи и его субкультурная природа // Известия Уральского государственного университета. – 2007. – № 50. – С. 123.
12. Лаптева Ю.В. Функции молодежного сленга (на материале французского языка) // Вестник МГОУ. – 2012. – № 1. – С. 159-160.
13. Кудинова Н. А. Функциональный аспект языка молодежной субкультуры начала XXI века: автореф. дис. ... канд. фил. наук / Н. А. Кудинова; Тульский гос. пед. ун-т им. Л.Н. Толстого. – Курск, 2010. – 20 с.

14. Гендин А. М. Негативные явления в поведении студентов педагогического ВУЗа // Вестник Красноярского гос. ун-та. – 2002. – I том. – С. 51-52.
15. Башманова Е. Л. Причины и факторы распространения сквернословия среди учащейся молодежи // Электронный научный журнал Курского государственного университета – 2010. – № 2 (14) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://scientific-notes.ru/pdf/014-22.pdf>.
16. Кузина Н. Ненормативная лексика: дань «моде» или распущенность? // Волга.ру. - 2012.– № 181 (25660) [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://www.volgaru.ru/index.php?oth&article=5397&PHPSESSID=b04773beca966e6be2a9fc7dffee788>.
17. Пацыба В. И. Ненормативное речевое поведение в молодежной среде // Актуальные проблемы молодежи в условиях изменяющейся России: материалы Всероссийской (заочной) науч-практич. конф. – Балашов, 2010. – С. 93-95.

Акулич М.М.,
Батырева М.В.,
г. Тюмень

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ КАЧЕСТВА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ НАСЕЛЕНИЮ

Одним из приоритетных направлений развития государственного и муниципального управления на современном этапе является повышение качества предоставления и доступности государственных и муниципальных услуг, за которыми обращается население при наступлении различных